

Подвойский Л. Я.

ВОПРОСЫ ПОЛА И ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ С. Н. БУЛГАКОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 138-141. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Губернское Чрезвычайное земское собрание // ПГВ. – 1873. – № 51. – С. 241.

К-в А. Накануне очередных уездных земских собраний // ПГВ. – 1914. – № 247. – С. 2.

На основании... // ПГВ. – 1865. – № 12. – С. 139–140.

7 декабря открыто... // ПГВ. – 1884. – № 269. – С. 2.

ВОПРОСЫ ПОЛА И ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ С. Н. БУЛГАКОВА

Подвойский Л. Я.

Астраханский государственный университет

По своим философским взглядам С.Н. Булгаков был сторонником платонизма и неоплатонизма, хотя и не всегда последовательным. С.Н. Булгаков наиболее известен как сторонник теории Софии и основанной на этой теории концепции всеединства (сказалось влияние В.С. Соловьева). Эта и другие стороны философского творчества С.Н. Булгакова неоднократно анализировались в отечественной литературе советского и постсоветского периодов. Совершенно очевидно, что гораздо меньше внимания обращено на исследование им вопросов пола и любви. Например, В.В. Зеньковский, говоря об антропологии С.Н. Булгакова, ни словом не обмолвился об этой стороне его философии, возможно потому, что, по мнению известного историка русской философии, тот в сфере антропологии мало дал значительного – больше повторяя В.С. Соловьева и отчасти П.А. Флоренского [Зеньковский 1999: 517]. Современные отечественные исследователи философского наследия С.Н. Булгакова, в частности С.С. Хоружий, также не упоминают о его философии любви [Русская философия: Малый энциклопедический словарь 1995: 74-78]. Этой темы в творчестве С.Н. Булгакова, из известных нам исследователей, касается В.П. Шестаков во вступительной статье к книге «Русский Эрос, или Философия любви в России» (1991) и в книге «Эсхатология и утопия» (очерки русской философии и культуры) (1995).

Вопросы любви С.Н. Булгаков частично затрагивает в работе «Философия хозяйства» (1912). Так, он пишет, что подобно тому, как у Платона различается Афродита Небесная и Афродита Простонародная (о двух Афродитах - Урании и Пандемос небесной и пошлой, или простонародной) – рассказывает Платон в диалоге «Пир» - Л.П.) Так же различаются и София Небесная, вневременная, и София эмпирическая. Живую связь между ними, пишет С.Н. Булгаков, которую Платон знал только как Эрос, влечение, мы христиане, знаем как Христа, воплотившийся Логос, тело Которого есть Церковь, София Небесная [Булгаков 1990: 122-123]. Как видим, уже здесь имеется противопоставление одной линии другой. Далее С.Н. Булгаков утверждает, что «Бог может хотеть только одного - Блага и быть только одним - Любовью. И если Бог есть Любовь, то Он не может хотеть того, что не есть любовь или не есть вполне любовь» [Булгаков 1990: 179].

Увлечение С.Н. Булгакова марксизмом, а затем и отход от него сказались на анализе любви в контексте проблемы социальной политики. Социальная политика, по С.Н. Булгакову, заменяет любовь, возможную лишь в отношении к личности, но не к совокупности – будь то «партия», или «класс». Успехи социализма и рост общественной солидарности, продолжает С.Н. Булгаков, отнюдь не сопровождаются необходимым увеличением любви или даже симпатии и уменьшением вражды между людьми. Скорее всего, можно даже думать обратное: социализм может быть делом и простого расчета и выгоды, «интереса», а не любви, и сам по себе он во всяком случае еще не говорит об увеличении любви среди людей [Булгаков 1990: 208-209]. С одной стороны, в этом трудно не согласиться с философом, а с другой, дело вероятно, не в социализме только, ибо об «обществе любви» можно только мечтать, не рассчитывая на успех.

Тема любви наиболее обстоятельно была рассмотрена С.Н. Булгаковым в работе «Свет не вечерний: Созерцания и умозрения» (1917). Известно, что эту работу он считал продолжением «Философии хозяйства», «Свет не вечерний» занимает особое место среди работ оригинального русского мыслителя.

По словам В.Зеньковского, ею заканчивается период чисто философского, в т.ч. и религиозно-философского, творчества С.Н. Булгакова. Сам он давал ей такую оценку: «Лично для автора эта книга представляет собой род духовной автобиографии или исповеди. Она является обобщающим постижением, как бы итогом всего мною пройденного, столь ломаного и сложного - слишком сложного! – духовного пути [Булгаков 1994: 6]. С.А. Левицкий назвал эту книгу первым шедевром С.Н. Булгакова [Левицкий 1996: 385]. Согласно А.Ф. Лосеву, общую картину философской деятельности Булгакова можно составить по этой книге [Введенский 1991: 89].

В этой книге вопросам о поле и любви посвящена специальная глава. Основное внимание здесь уделено комментированию библейских текстов, возрождению представлений о том, что уже сам пол - это изначально греховное начало в природе человека. С.Н. Булгаков начинает с замечания о том, что сотворение человека Богом по своему образу и подобию, причем человека как мужчины и женщины, о чем говорится в Библии, свидетельствует в каком-то смысле об обусловленности полностью (цельности или целостности) образа Божия двуполостью человека.

С.Н. Булгаков пишет, также, что по свидетельству Слова Божия, человек изначально создан как мужчина и женщина, двое в одну плоть. (Заметим, что еще гораздо раньше о двуполом человеке, андрогине, писал Платон в своем знаменитом «Пире»). Но уже очень рано, продолжает С.Н. Булгаков, в мистической и свято-

отеческой литературе (вероятно, не без влияния неоплатонизма) проявилось иное воззрение. В несколько неожиданном единогласии ряд философов (Ориген, Григорий Нисский, Максим Исповедник, Иоган Скот Эриугена, Яков Бёме) утверждают, что сам факт сотворения жены представляет собой следствие уже начавшегося грехопадения [Булгаков 1994: 251].

Для того, чтобы проиллюстрировать мнения церковной литературы по этому вопросу, Булгаков сопоставляет различные, но типические по своему воззрения Гр. Нисского и А. Блаженного. По мнению С.Н. Булгакова, первый решительно отрицает изначальную двуполость человека во время пребывания в раю, а значит, отрицает и брак; второй же считает, что брак существовал уже в раю.

С.Н. Булгаков, анализируя взгляды Гр. Нисского, подчеркивает, что тот подверг своеобразной экзегезе (истолкованию) текст Ветхого Завета и приводит большую цитату из его работы «О шестидневе».

Здесь говорится о сотворении человека как существа не двуполого, а двоякого, одно из них уподобляется естеству божественному, а другое разделяется на разные полы. В Божественном писании, утверждает Гр. Нисский, преподается некий великий и возвышенный догмат: человеческое естество есть среднее между двух неких, одно от другого разделенных и стоящих на самых крайностях, между естеством божественным и бестелесным. С.Н. Булгаков, комментируя позицию Гр. Нисского, замечает, что таким образом различие на полы создано только на основании предведения греха, до которого в раю не было ни брака, ни брачного размножения [Зеньковский 1999: 251].

Как уже отмечалось, анализируя взгляды Августина Блаженного, С.Н. Булгаков утверждает, что, по мнению великого средневекового философа, брак существовал уже в раю, из чего следует, что размножение через соединение полов уже было предуказанно.

Иначе говоря, два разнополых существа были как бы обречены вступить в брак для размножения. При этом оно должно было совершаться иным способом, нежели в теперешнем состоянии человека, поврежденном грехом. Имеется в виду то обстоятельство, что в раю сам половой акт ничего общего не имел с обычным в настоящее время, поскольку происходил не по чувству, а по воле (можно сказать, потому что «так надо», а не потому, что «так хочется»). С.Н. Булгаков цитирует Августина: «...тогда супруг прильнул бы к лону супруги без страстного волнения, с сохранением полного спокойствия души и тела при полном сохранении целомудрия» [Булгаков 1994: 252]. Да и чувства стыда в раю не было, оно появилось как раз в акте грехопадения, когда дух потерял господство над телом и в результате произошло расстройство гармонии между духом и плотью.

С.Н. Булгаков справедливо обращает внимание на то, что при изложении таинственного события в книге Бытия нет ни одного намека на то, что сотворение жены было вызвано грехопадением. Согласно его точке зрения, создание жены было завершением сотворения человека, а понимание и оценка этого события имеет необычайную, исключительную важность.

По С.Н. Булгакову, между полами уже в самом их создании существует иерархическое различие, связанное, во-первых, с тем, что Адам в некотором смысле ощущает себя создателем (лучше бы сказать «созидателем») Евы, которая сотворена из его ребра, т.е. из него самого, а, во-вторых, это различие четко определил Бог, сказав Еве, что Адам будет над нею господствовать. А вследствие грехопадения это различие обостряется дисгармонически [Булгаков 1994: 253-254].

Заметим уже от себя, что после грехопадения Адам ведет себя, что называется, не по-мужски по отношению к Еве. Он сразу же «докладывает», что это именно она совратила его на поедание запретного плода. Более того, в его ответе имеет место не просто самооправдание, что, мол, я-то здесь не при чем, а даже скрытый упрек в адрес Господа в том, что его ведь совратила та, которую *Он ему дал*. Такое поведение Адама, наверное, можно в какой-то мере понять и простить с учетом следующего обстоятельства. Адам, скорее всего, подумал, что его проверяют «на честность», ибо Господа обмануть нельзя, а потому и решил не рисковать собственной репутацией.

Возвращаясь непосредственно к рассматриваемой теме, отметим следующее. Булгаков считает, что человек, созданный двуполым, потенциально в духе своем также имеет эту двуполость. Эротическую же напряженность он знает как глубочайшую основу и творения, и творчества.

Чрезвычайно интересным в этом контексте представляется нам проделанный С.Н. Булгаковым анализ смысла росписи плафона Сикстинской капеллы. Здесь, говорит С.Н. Булгаков, мы имеем у Микеланджело глубокие проникновения в истину пола. В «Сотворении Адама» прародитель с томлением смотрит на Творца. Булгаков находит очень точное, емкое слово «томление», в котором заключено глубокое содержание. Томление Адама обусловлено тем, что он чувствует перенаполненность самого себя самим собой и жаждет избавления от этой перенаполненности, которое может осуществиться только с помощью Творца. Поэтому Адам и взирает на него не только с томлением, но и с надеждой. А в складках одежды Адама уже присутствует душа Евы, которая еще не создана, но она взглядом уже как бы зовет к себе мужа, будучи готовой стать прародительницей. Рядом с ней поэтому теснятся еще не рожденные души будущих ее с Адамом детей. Таким образом, великий художник («изумительный мастер», называет его философ) прозревает, что Адам никогда не существовал без Евы и детей своих и уже изначально он был потенциально и муж, и отец. Адам как бы предчувствует, что послужит основой для создания Евы и понимает, что он обречен к этому, потому что его помощник в жизни должен быть подобен ему, а из кого же он (помощник) может быть создан, как не из него самого? Но активная роль Адама в этом процессе совершенно исключается (не он хотел создавать, не он и создал). В связи со всем этим возникает ряд вопросов, которые сформулированы Булгако-

вым следующим образом. Почему бы человеку при его духовной двуполости не остаться двуполо-бесполом существом, наподобие андрогина, описанного Платоном в диалоге «Пир»? Почему существует разделение на полы? Зачем вообще Ева, и откуда взялась жена, не есть ли она порождение греховной чувственности? И, наконец, еще более серьезный вопрос: человек ли женщина или она лишь обольстительная похоть, пленительная лживость, злая отравка?

С.Н. Булгаков достаточно обстоятельно отвечает на эти вопросы. Он пишет, что в рассказе о создании Евы из ребра Адама речь идет о некотором выделении существа жены из существа мужа (говоря современным языком, имело место клонирование). И значит, что, по большому счету, рождение Евы не связано с актом нового творчества. Это просто продолжение творческого акта, начатого творением человека Адама. Жизнь Евы не самобытна, подчеркивает С.Н. Булгаков, но она не могла остаться в качестве одной лишь идеальной возможности внутри Адама, ибо тогда он не только не ощутил бы ее как телесность, но не опознал бы и своего собственного тела. Именно в Еве открылась Адаму живая плоть всего мира, и он ощутил себя его органической частью. Более того, в красоте Евы открылась Адаму Софийная красота мира. Особо хочется обратить внимание на яркую и глубокую вопросно-ответную мысль С.Н. Булгакова: «Но разве любовь даже и в нашем грешном мире не дает и теперь подобного же ясновидения в пламенеющие миги свои?» [Булгаков 1994.: 256].

Хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство, обнаруженное нами в ходе работы над этим материалом. И Гр. Нисский, и С.Н. Булгаков, говоря о сотворении человека, цитируют Библию, где сказано, что Бог сотворил человека по своему образу – «мужчину и женщину сотворил его» (Бытие 1:27). Из этого они заключают об изначальной двуполости человека и начинают свое толкование ситуации. Обращаясь к современным изданиям Библии, мы видим принципиально другое окончание фразы: «...мужчину и женщину сотворил их». Не трудно заметить, что в таком изложении мысли даже и речи нет об изначальной двуполости человека, а значит и толковать не о чем. Мы пока не готовы дать ответ, почему имеет место такое разногласие, но сам факт представляется нам заслуживающим внимания.

С.Н. Булгаков обращает внимание на то, что соединение полов, зачатие и рождение есть, по определению Бога, норма пола, но греховный человек не знает этого соединения в чистоте. А благодаря греху между полом и половым чувством (сексуальностью) устанавливается напряженный и жгучий антагонизм. Как подчеркивает религиозный философ, сексуальность еще не есть пол, но в то же время она неотделима от пола, который без нее не существует, как огонь без горючего материала. Пол есть положительная и благая сила, ибо будучи нераздельно связанным с сексуальностью, он дает огонь жизни [Булгаков 1994: 257]. С.Н. Булгаков далее отмечает один аспект, без учета которого становится непонятной в силу своей противоречивости такая мысль: борьба за пол необходимо является и борьбой с сексуальностью, борьба же против сексуальности есть вражда и против пола, которая хочет обезличения вместо высшего утверждения личности, слабости вместо укрощенной силы [Булгаков 1994: 258]. Речь идет о следующем моменте: С.Н. Булгаков подчеркивает всеобщее инстинктивное отвращение к «половым аномалиям» [Булгаков 1994: 258]. Таким образом, становится понятно, что Булгаков выступает за борьбу с сексуальностью, направленной на какой-то объект, без учета его человеческой половой принадлежности, а значит он признает наличие разных полов и признает сексуальность только по отношению к противоположному полу.

Вследствие этих установок С.Н. Булгаков приходит к выводу, что жизнь пола в ее фактическом состоянии, как бы она ни протекала, имеет печать трагической безысходности и антиномической боли, что символизируется в трагедии, выраженной дихотомией «любовь-смерть». И далее высказывается глубокая мысль о том, что духовно-телесное соединение двух в одну плоть предощущается в браке в *меру духовного возраста супругов*. И чем глубже и прочнее такое соединение, тем острее сопровождается оно чувством разъединения, тоски по утрате чего-то дорогого и чистого [Булгаков 1994: 258]. С.Н. Булгаков по этому поводу замечает, что достойный путь любви везде одинаково труден, и в браке, и вне его, но трагизм брачной любви обычно проявляется в том, что в жене умирает невеста, а в муже жених, и гаснет любовь.

Говоря «обычно», Булгаков не абсолютизирует эту ситуацию, ибо любовь многолика и многогранна, и нет основания противопоставлять ее грани как взаимно исключающиеся [Булгаков 1994: 261-262].

Занимая такую позицию, С.Н. Булгаков резко выступает против теории любви, которая развивается в русле философско-платонической традиции В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым и другими отечественными мыслителями и литераторами. Критике подвергаются люди «третьего пола», имеющиеся как среди мужчин, так и среди женщин, которые признают влюбленность или «духовную брачность», но гнушаются браком и особенно деторождением, исходя из разных идеологических оснований [Русский эрос, или философия любви в России 1991: 15]. К главным идеологам «третьего пола» Булгаков относит В.С. Соловьева с его статьями о «Смысле любви», а также Н.А. Бердяева и З.Н. Гиппиус. В.С. Соловьев и его последователи проповедуют, по мнению С.Н. Булгакова, воинствующее донжуанство и духовный «гетеризм» зарождающиеся у натур творческих. К сожалению, эти натуры стремятся не к победе над сексуальностью, а к сублимации своей напряженной психической жизни и творчества, что далеко не всегда способствует победе даже над потребностью разврата, не говоря уже о том, чтобы достичь духовного просветления пола. В итоге получается прославление красивого уродства, легко переходящего в извращенность, обычно сопровождаемую донжуанской потребностью новых переживаний влюбленности. Проповедь Эроса вместо семейной любви есть дань артистизму, свойственному натурам возвышенно-поэтическим и художественным. С.Н. Булгаков глубоко убежден в том, что полный образ человека есть мужчина и женщина в соединении в духовно-телесном

браке, ибо каждый в отдельности есть полу-человек, однако являющийся самостоятельной личностью, имеющий свою духовную судьбу [Булгаков 1994: 263].

Довольно резкой критике подвергает С.Н. Булгаков «откровения в мистике пола» писателя и публициста В.В. Розанова, называя их «экспериментом половой вивисекции», «беззащитным и наивным бесстыдством».

В целом богословское, или точнее, ортодоксально-богословское направление, к которому принадлежал С.Н. Булгаков, отстаивало родовую любовь, подчинение индивидуальности всеобщему, идее очищения и нравственной чистоты. В заключение приведем замечательные слова одного из сторонников этого же направления И.А. Ильина: «Нельзя нам без любви. Без нее мы обречены со всей нашей культурой. В ней наша надежда и спасение» [Русский эрос, или философия любви в России 1991: 16]. Не умея сказать сильнее, оставим эти слова без комментариев.

Список литературы

Булгаков С. Н. Философия хозяйства. – М., 1990.

Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М., 1994.

Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / Сост., вступ. статья, примечания Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. – Свердловск, 1991.

Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 томах. – Ростов-на-Дону, 1999. - Т. 2.

Левцкий С. А. Очерки по истории русской философии. - М., 1996.

Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.

Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост., авт. вступит. статьи В.П. Шестаков. – М., 1991.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В НАЧАЛЕ ХХІ В.

Подвойская Н. В.

Астраханский государственный университет

В условиях современной российской действительности особо актуализировалась проблема формирования жизненных сил молодежи и жизненного пространства ее бытия. Это обусловлено, прежде всего, тем, что системный кризис нашего общества на рубеже ХХ-ХХІ вв., сопровождающийся растущей имущественной, социально-классовой и культурно-образовательной дифференциацией населения страны, существенно осложнил процесс социального становления и формирования личности молодого человека в нынешних условиях. Противоречие между потребностями, стремлениями молодежи и реальными возможностями, которые сегодня предоставляют ей государство и общество, зачастую способствует развитию негативных социальных качеств личности, приводящих к дестабилизации конкретного социума, возникновению различных социальных конфликтов.

В начале ХХІ века в России достаточно явно проявляются, к сожалению, не столько положительные, сколько отрицательные последствия радикального либерально-рыночного реформирования нашего общества, приводящие к социальным аномалиям личной и общественной жизни молодых людей. Следует также отметить, что в настоящее время сложилось и формируется новое молодое поколение, в среде которого уже изначально встречаются проявления потребительского отношения к жизни, правовой безответственности, нравственной распущенности, индивидуализма, вульгарного прагматизма, максимализма, агрессивности, склонности к крайним методам и формам деятельности и т.п. Все это, безусловно, наносит непоправимый вред как физическому, психическому и социальному здоровью молодых людей, так и обществу в целом. В связи с этим особый интерес сегодня вызывает процесс формирования жизненных сил и жизненного пространства современной российской молодежи как неотъемлемой части общества, поскольку она своим жизнеосуществлением представляет своеобразный индикатор происходящих социальных преобразований, а также формирует потенциал будущего общественного развития.

При изучении интересующего нас круга явлений целесообразно, на наш взгляд, использовать комплексный подход к характеристике социальной жизни человека как биопсихосоциального существа, его социальных отношений, а также взаимодействия человека, культуры и социальной среды, который разрабатывается на рубеже ХХ-ХХІ вв. представителями социологического витализма в рамках концепции жизненных сил человека и общества [Григорьев, Демина 2000; Григорьев 2001]. Жизненные силы молодежи, согласно данной концепции, надлежит рассматривать как способность субъекта воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами в исторически конкретном жизненном пространстве, а жизненное пространство молодежи – как среду обитания субъекта, которая обеспечивает молодому человеку необходимые средства, а также условия воспроизводства и совершенствования своей жизни как биопсихосоциального существа.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что жизненные силы человека и жизненное пространство его бытия находятся в постоянной взаимозависимости и взаимодействии, происходящими на разных